

КУРТ

ВОННЕГУТ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

**КОЛЫБЕЛЬ
ДЛЯ КОШКИ**

Э К С К Л Ю З И В Н А Я   К Л А С С И К А

ЭКСКЛЮЗИВНАЯ КЛАССИКА (АСТ)

Курт Воннегут

Колыбель для кошки

«Издательство АСТ»

1963

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)-44

Воннегут К.

Колыбель для кошки / К. Воннегут — «Издательство АСТ»,
1963 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

Послушайте – когда-то, две жены тому назад, двести пятьдесят тысяч сигарет тому назад, три тысячи литров спиртного назад... Тогда, когда все были молоды... Послушайте – мир вращался, богатые изнывали от глупости и скуки, бедным оставалось одно – быть СВОБОДНЫМИ и УМНЫМИ. Правда была неправдоподобнее всякого вымысла. Женщины были злы и красивы, а мужчины – несчастны и полны глупых надежд. И крутилась, крутилась жизнь, запутывалась все сильнее – как дикая, странная игра под названием «КОЛЫБЕЛЬ ДЛЯ КОШКИ»...

УДК 821.111(73)

ББК 84 (7Сое)-44

Содержание

1. День, когда настал конец света	6
2. Хорошо. Хорошо. Это очень хорошо	7
3. Глупость	8
4. Попытка поискать пути	9
5. Письмо от студента-медика	10
6. Война жуков	12
7. Прославленные хониккеры	14
8. Роман Ньюта и Зинки	15
9. Вице-президент, заведующий вулканами	16
10. Тайный агент икс-9	17
11. Протеин	18
12. Предел наслаждения	19
13. Трамплин	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Курт Воннегут

Колыбель для кошки

Kurt Vonnegut
CATS CRADLE

Публикуется с разрешения Kurt Vonnegut LLC и литературного агентства The Wylie Agency (UK) LTD.

Copyright © 1963, Kurt Vonnegut, Jr. Copyright renewed © 1991 by Kurt Vonnegut, Jr. All rights reserved

Печатается с разрешения издательства Dial Press, an imprint of the Random House Publishing Group, a division of Random House, Inc. и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© Kurt Vonnegut, 1963
© Перевод. Р. Райт-Ковалева, наследники, 1992
© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

* * *

Кеннету Литтауэру, человеку смелому и благородному

Нет в этой книге правды, но «эта правда – фома, и от нее ты станешь добрым и храбрым, здоровым и счастливым».

«Книги Божьего» 1:5

«Безобидная ложь – фома»

1. День, когда настал конец света

Можете звать меня Ионой. Родители меня так называли, вернее, чуть не называли. Они меня называли Джоном.

Иона-Джон – будь я Сэмом, я все равно был бы Ионой, и не потому, что мне всегда сопутствовало несчастье, а потому, что меня неизменно куда-то заносило – в определенные места, в определенное время, кто или что – не знаю. Возникал повод, предоставлялись средства передвижения – и самые обычные и весьма странные. И точно по плану, именно в назначенную секунду, в назначенном месте появлялся сей Иона.¹

Послушайте.

Когда я был помоложе – две жены тому назад, 250 тысяч сигарет тому назад, три тысячи литров спиртного тому назад...

Словом, когда я был гораздо моложе, я начал собирать материалы для книги под названием *День, когда настал конец света*.

Книга была задумана документальная.

Была она задумана как отчет о том, что делали выдающиеся американцы в тот день, когда сбросили первую атомную бомбу на Хиросиму в Японии.

Эта книга была задумана как книга христианская. Тогда я был христианином.

Теперь я боконист.

Я бы и тогда стал боконистом, если бы кто-нибудь преподал мне кисло-сладкую ложь Боконона. Но о боконизме никто не знал за пределами песчаных берегов и коралловых рифов, окружавших крошечный остров в Карибском море – Республику Сан-Лоренцо.

Мы, боконисты, веруем в то, что человечество разбито на группы, которые выполняют Божью волю, не ведая, что творят. Боконон называет такую группу *карасе* – и в мой личный карасе меня привел мой так называемый *канкан*, – и этим канканом была моя книга, та недописанная книга, которую я хотел назвать *День, когда настал конец света*.

---

¹ О пророке Ионе – см. Книга пророка Ионы, Ветхий Завет. – *Примеч. пер.*

2. Хорошо. Хорошо. Это очень хорошо

«Если вы обнаружите, что ваша жизнь переплелась с жизнью чужого человека, без особых на то причин, – пишет Боконон, – этот человек скорее всего член вашего *карасса*».

И в другом месте, в *Книгах Боконона*, сказано: «Человек создал шахматную доску. Бог создал *карасе*». Этим он хочет сказать, что для карасса не существует ни национальных, ни ведомственных, ни профессиональных, ни семейных, ни классовых преград.

Он лишен определенной формы, как амeba.

Пятьдесят третье калипсо, написанное для нас Бокононом, поется так:

И пьянчужки в парке,
Лорды и кухарки,
Джефферсоновский шофер
И китайский зубодер,
Дети, женщины, мужчины –
Винтики одной машины.
Все живем мы на Земле.
Варимся в одном котле.
Хорошо, хорошо,
Это очень хорошо.²

---

² Переводы «калипсо» здесь и далее – М. Ковалевой.

3. Глупость

Боконон нигде не предостерегает вас против людей, пытающихся обнаружить границы своего карасса и разгадать промысел Божий. Боконон просто указывает, что такие поиски довести до конца невозможно.

В автобиографической части *Книг Боконона* он приводит притчу о глупости всякой попытки что-то открыть, что-то понять:

«Когда-то в Ньюпорте, Род-Айленд, я знал одну даму епископального вероисповедания, которая попросила меня спроектировать и построить конуру для ее датского дога. Дама считала, что прекрасно понимает и Бога, и пути Господни. Она никак не могла понять, почему люди с недоумением смотрят в прошлое и в будущее.

И однако, когда я показал ей чертеж конуры, которую я собирался построить, она мне сказала:

– Извините, я в чертежах не разбираюсь.

– Отдайте мужу или духовнику, пусть передадут Богу, – сказал я, – и если Бог найдет свободную минутку, я не сомневаюсь – он вам так растолкует мой проект конуры, что даже вы поймете.

Она меня выгнала. Но я ее никогда не забуду. Она верила, что Бог гораздо больше любит владельцев яхт, чем владельцев простых моторок. Она видеть не могла червяков. Как увидит червяка, так и завизжит.

Она была глупа, и я глупец, и всякий, кто думает, что ему понятны дела рук Господних, тоже глуп». (Так пишет Боконон.)

4. Попытка поискать пути

Как бы то ни было, я собираюсь рассказать в этой книге как можно больше о членах моего *карасса* и попутно выяснить по непреложным данным, что мы все, скопом, натворили.

Я вовсе не собираюсь сделать из этой книги трактат в защиту боконизма. Однако я, как боконист, хотел бы сделать одно предупреждение. Первая фраза в *Книгах Боконона* читается так:

«Все истины, которые я хочу вам изложить, – бесстыдная ложь».

Я же, как боконист, предупреждаю:

Тот, кто не поймет, как можно основать полезную религию на лжи, не поймет и эту книжку.

Быть по сему.

А теперь – о моем *карассе*.

В него, конечно, входят трое детей доктора Феликса Хониккера, одного из так называемых «отцов» атомной бомбы. Сам доктор Хониккер, безусловно, был членом моего *карасса*, хотя он умер, прежде чем мои *синуусики*, то есть выюнки моей жизни, переплелись с жизнями его детей.

Первый из его наследников, кого коснулись усики моих *синуусиков*, был Ньютон Хониккер, младший из двух сыновей. Я узнал из бюллетеня моей корпорации «Дельта-эпсилон», что Ньютон Хониккер, сын лауреата Нобелевской премии физика Феликса Хониккера, был принят кандидатом в члены моей корпорации при университете Корнелл.

И я написал Ньюту следующее письмо:

«Дорогой мистер Хониккер. (Может быть, следует написать: «Дорогой брат Хониккер»?)

Я, член корпорации Корнелла «Дельта-эпсилон», сейчас зарабатываю на жизнь литературным трудом. В данное время собираю материал для книги о первой атомной бомбе. В книге я коснусь только событий, имевших место 6 августа 1945 года, то есть в тот день, когда была сброшена бомба на Хиросиму.

Так как всеми признано, что ваш покойный отец – один из создателей атомной бомбы, я был бы очень благодарен за любые сообщения о том, как прошел в доме вашего отца день, когда была сброшена бомба.

К сожалению, должен сознаться, что знаю о вашем прославленном семействе куда меньше, чем следовало бы, так что мне неизвестно, есть ли у вас братья и сестры. Но если они у вас есть, мне очень хотелось бы получить их адреса, чтобы и к ним обратиться с той же просьбой.

Я понимаю, что вы были совсем маленьким, когда сбросили бомбу, но тем лучше. В своей книге я хочу подчеркнуть главным образом не техническую сторону вопроса, а отношение людей к этому событию, так что воспоминания «младенца», если разрешите так вас назвать, органически войдут в книгу.

О стиле и форме не беспокойтесь. Предоставьте это мне. Дайте мне просто голый скелет ваших воспоминаний.

Разумеется, перед публикацией я вам пришлю окончательный вариант на утверждение.

С братским приветом...»

5. Письмо от студента-медика

Вот что ответил Ньют:

«Простите, что так долго не отвечал. Вы как будто задумали очень интересную книгу. Но я был так мал, когда сбросили бомбу, что вряд ли смогу вам помочь. Вам надо обратиться к моим брату и сестре – они много старше меня. Мою сестру зовут миссис Гаррисон С.ККоннерс, 4918 Норт Меридиен-стрит, Индианаполис, штат Индиана. Сейчас это и мой домашний адрес. Думаю, что она охотно вам поможет. Никто не знает, где мой брат Фрэнк. Он исчез сразу после похорон отца два года назад, и с тех пор о нем ничего не известно. Возможно, что его и нет в живых.

Мне было всего шесть лет, когда сбросили атомную бомбу на Хиросиму, так что я вспоминаю этот день главным образом по рассказам других.

Помню, как я играл на ковре в гостиной, около кабинета отца. На нем были пижама и купальный халат. Он курил сигару. Он крутил в руках веревочку. В тот день отец не пошел в лабораторию и просидел дома в пижаме до вечера. Он оставался дома когда хотел.

Как вам, вероятно, известно, отец всю свою жизнь проработал в научно-исследовательской лаборатории Всеобщей сталелитейной компании в Илиуме. Когда был выдвинут Манхэттенский проект, проект атомной бомбы, отец отказался уехать из Илиума. Он заявил, что вообще не станет работать над этим, если ему не разрешат работать там, где он хочет. Почти всегда он работал дома. Единственное место, кроме Илиума, куда он любил уезжать, была наша дача на мысе Код. Там, на мысе Код, он и умер. Умер он в сочельник. Но вам, наверно, и это известно.

Во всяком случае, в тот день, когда сбросили бомбу, я играл на ковре около отцовского кабинета. Сестра Анджела рассказывает, что я часами играл с заводными грузовичками, приговаривая: «Бип-бип-тррр-трррр...» Наверно, я и в тот день, когда сбросили бомбу, гудел: «Тррр», а отец сидел у себя в кабинете и играл с веревочкой.

Случайно я знаю, откуда он взял эту веревочку. Может быть, для вашей книги и это пригодится. Отец снял эту веревочку с рукописи – один человек прислал ему свой роман из тюрьмы. Роман описывал конец света в 2000 году. Он назывался: «Ад 2000». Там описывалось, как психопаты-ученые сделали чудовищную бомбу, стершую все с лица земли. Когда люди узнали, что скоро конец света, они устроили чудовищную оргию, а потом, за десять секунд до взрыва, появился сам Иисус Христос. Автора звали Марвин Шарп Холдернесс, и в письме, приложенном к роману, он писал отцу, что попал в тюрьму за убийство своего родного брата. Рукопись он прислал отцу, потому что не мог придумать, каким взрывчатым веществом начинить свою бомбу. Он просил отца что-нибудь ему подсказать.³

Не подумайте, что я читал эту рукопись, когда мне было шесть лет. Она валялась у нас дома много лет. Мой брат Фрэнк пристроил ее у себя в комнате в «стенном сейфе», как он говорил. На самом деле никакого сейфа у него не было, а был старый дымоход с жестяной выюшкой. Сто тысяч раз мы с Фрэнком еще мальчишками читали описание оргии. Рукопись лежала у нас много-много лет, но потом моя сестра Анджела нашла ее. Она все прочла, сказала, что это дрянь, сплошная мерзость, просто гадость. И она сожгла рукопись вместе с веревочкой. Анджела была нам с Фрэнком матерью, потому что родная наша мать умерла, когда я родился.

Я уверен, что отец так и не прочитал эту книжку. По-моему, он и вообще за всю свою жизнь не прочел ни одного романа, даже ни одного рассказика, разве что в раннем детстве. Он никогда не читал ни писем, ни газет, ни журналов. Вероятно, он читал много научной литературы, но, по правде говоря, я никогда не видел отца за чтением.

---

³ Т.е. 2000 год после Рождества Христова. – *Примеч. пер.*

Из всей той бандероли ему пригодилась только веревочка. Он всегда был такой. Невозможно было предугадать, что его заинтересует. В день, когда сбросили бомбу, его заинтересовала веревочка.

Читали ли вы речь, которую он произнес при вручении ему Нобелевской премии? Вот она вся целиком: «Леди и джентльмены! Я стою тут, перед вами, потому что всю жизнь я озирался по сторонам, как восьмилетний мальчишка весенним днем по дороге в школу. Я могу остановиться перед чем угодно, посмотреть, подумать, а иногда чему-то научиться. Я очень счастливый человек. Благодарю вас».

Словом, отец играл с веревочкой, а потом стал переплетать ее пальцами. И сплел такую штуку, которая называется «колыбель для кошки». Не знаю, где отец научился играть с веревочкой. Может быть, у своего отца. Понимаете, его отец был портным, так что в доме, когда отец был маленьким, всегда валялись нитки и тесемки.

До того как отец сплел «кошкину колыбель», я ни разу не видел, чтобы он, как говорится, во что-то играл. Ему неинтересны были всякие забавы, игры, всякие правила, кем-то выдуманные. Среди вырезок, которые собирала моя сестра Андже́ла, была заметка из журнала «Тайм». Отца спросили, в какие игры он играет для отдыха, и он ответил: «Зачем мне играть в выдуманные игры, когда на свете так много настоящей игры».

Должно быть, он сам удивился, когда нечаянно сплел из веревочки «кошкину колыбель», а может быть, это напомнило ему детство. Он вдруг вышел из своего кабинета и сделал то, чего раньше никогда не делал, он попытался поиграть со мной. До этого он не только со мной никогда не играл, он почти со мной и не разговаривал.

А тут он опустился на колени около меня на ковер и оскалил зубы, и завертел у меня перед глазами плетенку из веревочки. «Видал? Видал? Видал? – спросил он. – Кошкина колыбель. Видишь кошкину колыбель? Видишь, где спит котенок? Мяу! Мяу!»

Поры на его коже казались огромными, как кратеры на луне. Уши и ноздри заросли волосом. От него несло сигарным дымом, как из врат ада. Ничего безобразнее, чем мой отец вблизи, я в жизни не видал. Мне и теперь он часто снится.

И вдруг он запел: «Спи, котенок, усни, угомон тебя возьми. Придет серенький волчок, схватит киску за бочок, серый волк придет, колыбелька упадет».

Я заревел. Я вскочил и со всех ног бросился вон из дому.

Придется кончать. Уже третий час ночи. Мой сосед по комнате проснулся и жалуется, что машинка очень гремит.

6. Война жуков

Ньют дописал письмо на следующее утро. Вот что он написал:

«Утро. Пишу дальше, свежий как огурчик после восьмичасового сна. В нашем общежитии сейчас тишина. Все на лекциях, кроме меня. Я – личность привилегированная. Мне на лекции ходить не надо. На прошлой неделе меня исключили. Я был медиком-первокурсником. Исключили меня правильно. Доктор из меня вышел бы препаршивый.

Кончу это письмо и, наверно, схожу в кино. А если выглянет солнце, пойду погуляю вдоль обрыва. Красивые тут обрывы, верно? В этом году с одного из них бросились две девочки, держась за руки. Они не попали в ту корпорацию, куда хотели. Хотели они попасть в «Три-Дельта».

Однако вернемся к августу 1945 года. Моя сестра Анджела много раз говорила мне, что я очень обидел отца в тот день, когда не захотел полюбоваться «кошкиной колыбелью», не захотел посидеть на ковре и послушать, как отец поет. Может, я его и обидел, только, по-моему, он не мог обидеться всерьез. Более защищенного от обид человека свет не видал. Люди никак не могли его задеть, потому что людьми он не интересовался. Помню, как-то раз, незадолго до его смерти, я пытался его заставить хоть что-нибудь рассказать о моей матери. И он ничего не мог вспомнить.

Слыхали ли вы знаменитую историю про завтрак в тот день, когда отец с матерью уезжали в Швецию получать Нобелевскую премию? Об этом писала «Сатердей ивнинг пост». Мать приготовила прекрасный завтрак... А потом, убирая со стола, она нашла около отцовского прибора монетки по двадцать пять и десять центов и три монетки по одному пенни. Он оставил ей на чай.

Страшно обидев отца, если только он мог обидеться, я выбежал во двор. Я сам не понимал, куда бегу, пока в зарослях таволги не увидел брата Фрэнка.

Фрэнку было тогда двенадцать лет, и я не удивился, застав его в зарослях. В жаркие дни он вечно лежал там. Он, как собака, вырыл себе ямку в прохладной земле, меж корней. Никогда нельзя было угадать, что он возьмет с собой туда. То принесет неприличную книжку, то бутылку лимонада с вином. В тот день, когда бросили бомбу, у Фрэнка были в руках столовая ложка и стеклянная банка. Этой ложкой он сажал всяких жуков в банку и заставлял их драться.

Жуки дрались так интересно, что я сразу перестал плакать, совсем забыл про нашего старика. Не помню, кто там дрался у Фрэнка в тот день, но вспоминаю, как мы потом стравливали разных насекомых: жука-оленья с сотней рыжих муравьев, одну сороконожку с тремя пауками, рыжих муравьев с черными. Драться они начинают, только когда трясешь банку, Фрэнк как раз этим и занимался – он все тряс и тряс эту банку.

Потом Анджела пришла меня искать. Она раздвинула ветви и сказала: «Вот ты где!» Потом спросила Фрэнка, что он тут делает, и он ответил: «Экспериментирую». Он всегда так отвечал, когда его спрашивали, что он делает. Он всегда отвечал: «Экспериментирую».

Анджеле тогда было двадцать два года. С шестнадцати лет, с того дня, когда мать умерла, родив меня, она, в сущности, была главой семьи. Она всегда говорила, что у нее трое детей – я, Фрэнк и отец. И она не преувеличивала. Я вспоминаю, как в морозные дни мы все трое выстраивались в прихожей, и Анджела кутала нас всех по очереди, одинаково. Только я шел в детский сад, Фрэнк – в школу, а отец – работать над атомной бомбой. Помню, однажды утром зажигание испортилось, радиатор замерз, и автомобиль не заводился. Мы все трое сидели в машине, глядя, как Анджела до тех пор нажимала на стартер, пока аккумулятор не сел. И тут заговорил отец. Знаете, что он сказал? «Интересно про черепах». Анджела его спросила: «А что тебе интересно про черепах?» И он сказал: «Когда они втягивают голову, их позвоночник сокращается или выгибается?»

Между прочим, Анджела – никем не воспетая героиня в истории создания атомной бомбы, и, кажется, об этом нигде не упоминается. Может, вам пригодится. После разговора о черепахах отец ими так увлекся, что перестал работать над атомной бомбой. В конце концов несколько сотрудников из группы «Манхэттенский проект» явились к нам домой посоветоваться с Анджелой, что же теперь делать. Она сказала, пусть унесут отцовских черепах. И однажды ночью сотрудники забрались к отцу в лабораторию и украли черепах вместе с террариумом. А он пришел утром на работу, поискал, с чем бы ему повозиться, над чем поразмыслить, а все, с чем можно было возиться, над чем размышлять, имело отношение к атомной бомбе.

Когда Анджела вытащила меня из-под куста, она спросила, что у меня произошло с отцом. Но я только повторял, какой он страшный и как я его ненавижу. Тут она меня шлепнула. «Как ты смеешь так говорить про отца? – сказала она. – Он – великий человек, таких еще на свете не было! Он сегодня войну выиграл! Понял или нет? Он выиграл войну!» И она опять шлепнула меня.

Я не сержусь на Анджелу за шлепки. Отец был для нее всем на свете. Ухажеров у нее не было. И вообще никаких друзей. У нее было только одно увлечение. Она играла на кларнете.

Я опять сказал, что ненавижу отца, она опять меня ударила, но тут Фрэнк вылез из-под куста и дал ей под дых. Ей было ужасно больно. Она упала и покатилась. Сначала задыхнулась, потом заплакала, закричала, стала звать отца.

«Да он не придет!» – сказал Фрэнк и засмеялся. Он был прав. Отец высунулся в окошко, посмотрел, как Анджела и я с ревом барахтаемся в траве, а Фрэнк стоит над нами и хохочет. Потом он опять скрылся в окне и даже не поинтересовался, из-за чего поднялась вся эта кутерьма. Люди были не по его специальности.

Вам это интересно? Пригодится ли для вашей книги? Разумеется, вы очень связали меня тем, что просили рассказать только о дне, когда сбросили бомбу. Есть множество других интересных анекдотов про бомбу и отца, про другие времена. Известно ли вам, например, что он сказал в тот день, когда впервые провели испытания бомбы в Аламогордо? Когда эта штука взорвалась, когда стало ясно, что Америка может смести целый город одной-единственной бомбой, некий ученый, обратившись к отцу, сказал: «Теперь наука познала грех». И знаете, что сказал отец? Он сказал: «Что такое грех?»

Всего наилучшего, *Ньютон Хониккер*».

7. Прославленные хониккеры

Ньютон сделал к письму три постскриптума:

«P.S. Не могу подписаться «с братским приветом», потому что мне нельзя называться вашим собратом – у меня не то положение: меня только приняли кандидатом в члены корпорации, а теперь и этого лишат.

P.P.S. Вы называете наше семейство «прославленным», и мне кажется, что это будет ошибкой, если вы нас так станете аттестовать в вашей книжке. Например, я – лилипут, во мне всего четыре фута. А о Фрэнке мы слышали в последний раз, когда его разыскивала во Флориде полиция, ФБР и министерство финансов, потому что он переправлял краденые машины на списанных военных самолетах. Так что я почти уверен, что «прославленное» – не совсем то слово, какое вы ищете. Пожалуй, «нашумевшее» ближе к правде.

P.P.P.S. На другой день: перечитал письмо и вижу, что может создаться впечатление, будто я только и делаю, что сижу и вспоминаю всякие грустные вещи и очень себя жалею. На самом же деле я очень счастливый человек и чувствую это. Я собираюсь жениться на прелестной крошке. В этом мире столько любви, что хватит на всех, надо только уметь искать. Я – лучшее тому доказательство».

8. Роман Ньюта и Зинки

Ньют не написал, кто его подружка. Но недели через две после его письма вся страна узнала, что зовут ее Зинка – просто Зинка. Фамилии у нее, как видно, не было.

Зинка была лилипуткой, балериной украинского ансамбля песни и пляски «Борзая». Случилось так, что Ньют попал на выступление этого ансамбля в Индианаполисе до того, как поступил в Корнеллский университет. А потом ансамбль выступал и в Корнелле. Когда концерт окончился, маленький Ньют уже стоял у служебного входа с букетом великолепных роз на длинных стеблях – «Краса Америки».

В газетах эта история появилась, когда крошка Зинка исчезла вместе с крошкой Ньютом.

Но через неделю после этого крошка Зинка объявилась в советском посольстве. Она сказала, что все американцы – жуткие материалисты. Она заявила, что хочет домой.

Ньют нашел прибежище в доме своей сестры в Индианаполисе. Газетам он дал короткое интервью: «Это дела личные... – сказал он. – Сердечные дела. Я ни о чем не жалею. То, что случилось, никого не касается, кроме меня и Зинки...»

Один предприимчивый американский репортер в Москве, расспрашивая о Зинке кое-кого из балетных, узнал неприятный факт: Зинке было вовсе не двадцать три года, как она говорила.

Ей было сорок два – и Ньюту она в матери годилась.

9. Вице-президент, заведующий вулканами

Книга о дне, когда была сброшена бомба, что-то у меня не шла.

Примерно через год, за два дня до Рождества, другая тема привела меня в Илиум, штат Нью-Йорк, где доктор Феликс Хониккер проработал дольше всего и где выросли и крошка Ньют, и Фрэнк, и Анджела.

Я остановился в Илиуме посмотреть, нет ли там чего-нибудь интересного.

Живых Хониккеров в Илиуме не осталось, но там было множество людей, которые как будто бы отлично знали и старика, и трех его странноватых отпрысков.

Я сговорился о встрече с доктором Эйзой Бридом, вице-президентом Всеобщей сталелитейной компании, который заведовал научно-исследовательской лабораторией. Полагаю, что доктор Брид тоже был членом моего *карасса*, но он меня невзлюбил с первого взгляда.

«Приязнь и неприязнь тут никакого значения не имеют», – говорит Боконон, но это предупреждение забывается слишком легко.

– Я слышал, что вы были заведующим лабораторией, когда там работал доктор Хониккер? – сказал я доктору Бриду по телефону.

– Только на бумаге, – сказал он.

– Не понял, – сказал я.

– Если бы я действительно был заведующим при Феликсе, – сказал он, – то теперь я мог бы заведовать вулканами, морскими приливами, перелетом птиц и миграцией леммингов. Этот человек был явлением природы, и ни один смертный управлять этой стихией не мог.

10. Тайный агент икс-9

Доктор Брид обещал принять меня на следующий день с самого утра. Он сказал, что заедет за мной по дороге на работу и тем самым упростит мой допуск в научно-исследовательскую лабораторию, куда вход был строго воспрещен.

Поэтому вечером мне некуда было девать время. Я жил в отеле «Эль Прадо» – средоточии всей ночной жизни в Илиуме. В баре отеля «Мыс Код» собирались все проститутки.

Случилось так («должно было так случиться», – сказал бы Боконон), что гулящая девица и бармен, обслуживавший меня, когда-то учились в школе вместе с Фрэнклином Хониккером – учителем жуков, средним сыном, пропавшим отпрыском Хониккеров.

Девица, назвавшая себя Сандрой, предложила мне наслаждения, какие нельзя получить нигде в мире, кроме площади Пигаль и Порт-Саида. Я сказал, что мне это неинтересно, и у нее хватило остроумия сказать, что и ей это тоже ничуть не интересно. Как потом оказалось, мы оба несколько преувеличивали наше равнодушие, хотя и не слишком.

Но до того, как мы стали сравнивать наши вкусы, у нас завязался долгий разговор – мы поговорили о Фрэнке Хониккере, поговорили о его папаше, немножко поговорили о докторе Эйзе Бриде, поговорили о Всеобщей сталелитейной компании, поговорили о римском папе и контроле над рождаемостью, о Гитлере и евреях. Мы говорили о жуликах. Мы говорили об истине. Мы говорили о гангстерах и о бизнесе. Поговорили мы и о симпатичных бедняках, которых сажают на электрический стул, и о подлых богачах, которых не сажают. Мы говорили о ханжах-извращенцах. Мы поговорили об очень многом.

И мы напились.

Бармен очень хорошо обращался с Сандрой. Он ее любил. Он ее уважал. Он сказал, что в илиумской средней школе Сандра была председателем комиссии по выбору цвета для классной формы.

Каждый класс, объяснил он, должен был выбрать свои цвета и с гордостью носить эти цвета до окончания.

– Какие же цвета вы выбрали? – спросил я.

– Оранжевый и черный.

– Красиво.

– По-моему, тоже.

– А Фрэнклин Хониккер тоже участвовал в этой комиссии?

– Ни в чем он не участвовал, – с презрением сказала Сандра. – Никогда он не был ни в одной комиссии, никогда не играл в игры, никогда не приглашал девочек в кино. По-моему, он с девчонками вообще не разговаривал. Мы его прозвали тайный агент Икс-9.

– Икс-9?

– Ну, сами понимаете – он вечно притворялся, будто бежит с одной тайной явки на другую, будто ему ни с кем и разговаривать нельзя.

– А может быть, у него и вправду была очень сложная тайная жизнь?

– Не-ет.

– Не-ет! – насмешливо протянул бармен. – Обыкновенный мальчишка, из тех, что вечно мастерят игрушечные самолеты и вообще занимаются черт-те чем...

11. Протеин

- Он должен был выступать у нас в школе на выпускном вечере с приветственной речью.
- Вы о ком? – спросил я.
- О докторе Хониккере – об их отце.
- Что же он сказал?
- Он не пришел.
- Значит, вы так и остались без приветственной речи?
- Нет, речь была. Прибежал доктор Брид, тот самый, вы его завтра увидите, весь в поту, и чего-то нам наговорил.
- Что же он сказал?
- Говорил: надеюсь, что многие из вас сделают научную карьеру, – сказала Сандра. Эти слова ей не казались смешными. Она просто повторяла урок, который произвел на нее впечатление. И повторяла она его с запинками, но добросовестно. – Он говорил: беда в том, что весь мир... – тут она остановилась, подумала, – беда в том, что весь мир, – запинаясь продолжала она, – что все люди живут суевериями, а не наукой. Он сказал, что если бы все больше изучали науки, то не было бы тех бедствий, какие на нас свалились.
- Он еще сказал, что наука когда-нибудь откроет основную тайну жизни, – вмешался бармен, потом почесал затылок и нахмурился: – Что-то я читал на днях в газете, будто нашли, в чем секрет, вы не помните?
- Не читал, – пробормотал я.
- А я читала, – сказала Сандра, – позавчера, что ли.
- Ну, и в чем же тайна жизни? – спросил я.
- Забыла, – сказала Сандра.
- Протеин, – заявил бармен, – чего-то они там открыли про этот самый протеин.
- Ага, – сказала Сандра, – точно.

12. Предел наслаждения

В это время в баре «Мыс Код», при отеле «Эль Прадо», к нам присоединился бармен постарше. Услыхав, что я пишу книгу о дне, когда сбросили бомбу, он рассказал мне, как он провел этот день, как он его провел именно в этом самом баре, где мы сидели. Говорил он с растяжкой, как клоун Филдс, а нос у него был похож на отборную клубничину.

– Тогда бар назывался не «Мыс Код», – сказал он, – не было этих сетей и ракушек, всей этой холеры. Назывался он «Вигвам Навахо». На всех стенах индейские одеяла повешены, коровьи черепа. А на столиках – тамтамы, махонькие такие. Хочешь позвать официанта – бей в этот тамтамик. Уговаривали меня надеть перья на голову, только я отказался. Раз пришел сюда один настоящий индеец из племени навахо. Говорит, племя навахо в вигвамах не живет. «Вот холера, – говорю, – как нехорошо вышло». А еще раньше этот бар назывался «Помпея», всюду обломков полно, мраморных всяких. Да только, как его ни зови, электропроводку, холеру, так и не сменили. И народ, холера, такой же остался, и город, холера, все тот же. А в тот день, как сбросили на японцев эту холеру, бомбу эту, зашел сюда один тип, стал клянчить – дай ему выпить, раз уж все равно настал конец света. Я ему сбил коктейль «Предел наслаждения». Выдолбил я ананас, налил туда полпинты мятного ликера, наложил взбитых сливок, а сверху вишню. «Пей, – говорю, – сукин ты сын, чтоб не жаловался, будто я для тебя ничего не сделал». А потом пришел второй, говорит: уйду из лаборатории, и еще говорит: над чем бы ученые ни работали, у них все равно получается оружие. Не желаю, говорит, больше помогать политикам разводить эту холеру войну, фамилия ему была Брид. Спрашиваю: не родственник ли он босса той растреклятой лаборатории? А как же, говорит. Я, говорит, сын этого самого босса, холера его задави.

13. Трамплин

О Господи, до чего безобразный город этот Илиум!

«О Господи! – говорит Боконон. – До чего безобразный город, любой город на свете!»

Копоть оседала на все сквозь недвижную пелену тумана. Было раннее утро. Я ехал в «линкольне» с доктором Эйзой Бридом. Меня слегка мутило, я еще не совсем проспался после вчерашнего пьянства. Доктор Брид вел машину. Рельсы давно заброшенной узкоколейки то и дело цеплялись за колеса машины.

Доктор Брид, розовощекий старик, был прекрасно одет и, по-видимому, очень богат. Держался он интеллигентно, оптимистично, деловито и невозмутимо. Я же, напротив, чувствовал себя колючим, больным циником. Ночь я провел с Сандрой.

Душа моя смердела, как дым от паленой кошачьей шерсти.

Про всех я думал самое скверное, а про доктора Брида я узнал от Сандры довольно мрачную историю.

Сандра рассказала мне, будто весь Илиум был уверен, что доктор Брид был влюблен в жену Феликса Хониккера. Она сказала, что многие считали, будто Брид был отцом всех троих детей Хониккера.

– Вы бывали когда-нибудь в Илиуме? – спросил меня доктор Брид.

– Нет, я тут впервые.

– Город тихий, семейный.

– Как?

– Тут почти никакой ночной жизни нет. У каждого жизнь ограничена семейным кругом, своим домом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.